

ИСТОРИЯ

УДК 329

МЯТЕЖ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ 6 ИЮЛЯ 1918 г. И ЕГО ОЦЕНКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2013 г.

А.В. Медведев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

medvedev_46@mail.ru

Поступила в редакцию 12.12.2012

Анализируются оценки акций левых социалистов-революционеров 6 июля 1918 г. в отечественной и западной историографии (убийство германского посла в Советской России графа Мирбаха, захват телеграфа и отправка на места телеграммы о восстании против германского империализма): авантюра, восстание, мятеж, провокация и «вооруженная демонстрация» с целью срыва Брестского мира. Делается вывод: эти акции были направлены не только на срыв Брестского мира и возобновление войны с Германией, но и были попыткой левых эсеров свергнуть советское правительство и захватить власть в свои руки. Массы не поддержали эти действия, поэтому их следует квалифицировать как авантюру и мятеж.

Ключевые слова: левые социалисты-революционеры, мятеж 6 июля, революционная авантюра.

6 июля 1918 г. левые эсеры Я.Г. Блюмкин и Н.А. Андреев, сотрудники ВЧК, убили немецкого посла в Советской России графа Мирбаха и скрылись в отряде ВЧК, которым командовал левый эсер Д.И. Попов. В этот отряд прибыли для расследования Ф.Э. Дзержинский, его заместитель М.И. Лацис, председатель Моссовета П.Г. Смидович и др., но были здесь арестованы. В ответ была задержана и изолирована в Большом театре левозэсеровская фракция V Всероссийского съезда Советов. Бойцы из отряда Попова захватили Центральный почтамт и телеграф и дали на места телеграмму о восстании против германского империализма. На следующий день части латышских стрелков по приказу СНК предъявили ультиматум о сдаче отряду Попова, а после отказа открыли артиллерийский огонь по помещениям отряда в Трехсвятительском переулке. Члены отряда стали разбегаться, но заставы большевиков арестовали более 400 повстанцев. В этот же день были расстреляны 13 левозэсеровских активистов из отряда Попова, в том числе заместитель Дзержинского левый эсер Александрович.

Большевистская оценка действий левых эсеров содержится в резолюции V Всероссийского съезда Советов от 10 июля 1918 г.: «1. Убийство германского посла явилось тем более позорным выступлением, что организаторы и исполнители этого дела использовали свое положение в качестве советской партии, бесчестно злоупотре-

били своими официальными постами для того, чтобы путем предательского удара из-за угла сорвать твердую и непреклонную волю Советской власти – обеспечить для рабочих и крестьян России оплаченный столь дорогою ценою мир. 2. Убийство германского посла явилось составной частью заговора, направленного на то, чтобы путем вооруженного восстания передать власть из рук рабочих и крестьянских Советов в руки авантюристической партии, которая стремится во что бы то ни стало вовлечь Россию в войну, действуя в этом отношении заодно с русской контрреволюционной буржуазией и с англо-французскими империалистами, наступающими в данный момент на Советскую Республику с Мурманского Севера» [1, с. 133–134].

Оценка акций ЦК ПЛСР не была однозначной со стороны самих левых эсеров. И. Стефанский 27 июля 1918 г. в газете «Знамя борьбы» отрицал факт восстания. Восстание, в его оценке, – «массовое движение, которым руководит партия или личность и первые удары которого направлены непосредственно на олицетворяющую власть. Следующим этапом всякого восстания является захват всего госаппарата, управляющего страной». Удара по власти не было, захвата госаппарата – тоже. Почта и телеграф были захвачены для того, чтобы сообщить о случившемся. В том же номере газеты М. Борецкая писала о восстании части ПЛСР. М.А. Спиридонова, лидер партии, в «Открытом

письме Центральному Комитету партии большевиков», написанному, судя по содержанию, накануне суда над организаторами левоэсеровского мятежа в ноябре 1918 г., утверждала, что намерение ЦК ПЛСР было осуществить только «террористический акт международного значения, акт протеста на весь мир против удушения нашей революции», все остальные действия были самозащитой от расправы «ослепших от гнева за Мирбаха большевиков», вооруженным сопротивлением при аресте [2, с. 52]. Западный областной комитет ПЛСР, отмежевываясь от своего ЦК, заявил, что «восстание, вернее мятеж, против Советской власти было совершено кучкой авантюристов и имело целью вызвать контрреволюционное движение» [3].

Неоднозначность оценок акций ЦК ПЛСР 6 июля 1918 г. со стороны непосредственных участников событий вызвала различные версии этих действий в отечественной и западной историографии, определяемых и политическими взглядами авторов.

Оценка V Всероссийского съезда Советов легла в основу работ советских историков, которые квалифицировали акции левых эсеров в Москве 6 июля как мятеж и попытку захватить власть в советском государстве в свои руки. Эта оценка была обоснована в первой научной статье по истории ПЛСР В. Владимировой в 1927 г. [4], в специальной работе о мятеже левых эсеров Л.М. Спирина [5], в первой в историографии монографии по истории левых эсеров К.В. Гусева [6, с. 288], а также использовалась в трудах других советских авторов.

В западной историографии оценки действий левых эсеров 6 июля были неоднозначными. Английский историк Э. Карр отмечал, что левые эсеры убийством Мирбаха пытались сорвать Брестский мир, а последующими действиями – захватить власть в Москве и в различных провинциальных центрах [7, с. 143]. Французский историк Н. Верт тоже оценил действия ЦК ПЛСР как попытку организовать государственный переворот [8, с. 119]. Американский историк Р. Пайпс в книге об истории русской революции принял оценку лидера ПЛСР М.А. Спиридоновой. Он утверждает, что левые эсеры 6 июля 1918 г. не стремились к захвату власти, которая должна была остаться в руках большевиков. «Левые эсеры хотели только заставить большевиков отказаться от проводимой ими «оппортунистической» политики и с этой целью собирались путем террористических актов спровоцировать нападение Германии на Советскую Россию. План этот целиком был лишен реализма...» [9, с. 316–317]. Эмигрант из России Г.М. Катков, ярый антисоветчик, пред-

ложил в 1961 г. обоснованную на домыслах версию: большевики проявили после 6 июля терпимость по отношению к левым эсерам, т.к. убийство Мирбаха и восстание левых эсеров были разыграны на самом деле самими большевиками, хотя не до конца ясно, зачем понадобился им столь изощренный обман. Эта терпимость объясняется слабостью власти большевиков, боявшихся мести левых эсеров, среди которых было много фанатиков [9, с. 324–325].

Американский историк Ю.Г. Фельштинский, эмигрант из СССР, развивает версию Г.М. Каткова. Фельштинский издал в 1985 г. в Париже книгу «Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – июль 1918», в которой утверждает: организатором убийства немецкого посла Мирбаха был, оказывается, Ф.Э. Дзержинский, и В.И. Ленин об этом знал. Этот акт был нужен для того, чтобы расправиться со своими соперниками в советской системе и установить безраздельное господство большевиков. А ЦК-де левых эсеров взял на себя ответственность за этот акт потому, что отречься от него означало отказаться от своей политики на срыв Брестского мира [10, с. 173–191]. В 1990 г. журнал «Родина» опубликовал статью Фельштинского «Левее левых». В ней автор скорректировал свою точку зрения, характеризуя выступление левых эсеров «как заговор одних членов ЦК ПЛСР (добавим: при участии ряда членов ЦК большевиков, безусловно Дзержинского, а вероятно, еще и Бухарина с Пятаковым) втайне от других членов ЦК ПЛСР с целью убийства германского посла Мирбаха» [11, с. 52]. В 1992 г. в академическом журнале «Отечественная история» для историков-профессионалов он повторил свою версию 1990 г., уточнив, что Ленин о готовящемся покушении на Мирбаха «скорее всего не знал. Никаких даже косвенных указаний на его причастность к покушению нет» [12, с. 30–48]. В том же году в Москве была опубликована монография Фельштинского «Крушение мировой революции», повторяющая его выводы. В число большевиков, знавших о заговоре, включены И.И. Вацетис и Г.Е. Зиновьев [13, с. 442–454]. В 2008 г. в книге о вождях большевиков Фельштинский выдвигает версию о четырех заговорах 6–7 июля. Первым был заговор Дзержинского против Ленина: убийством немецкого посла спровоцировать Германию на разрыв Брестского мира. Вторым – подготовка большевистским руководством («Свердловым, Лениным, возможно, Троцким») операции по аресту фракции левых эсеров на V Всероссийском съезде Советов. Третьим – заговор Я. Блюмкина с некоторыми членами ЦК ПЛСР втайне от общего состава ЦК для убийства графа Мирбаха, а

в Петрограде – немецкого консула. Четвертым – заговор ЦК ПЛСР с целью противостоять возможным попыткам большевиков ареста фракции левых эсеров и стягивание с этой целью в столицу революционных отрядов из провинции. Главными автор считает первые две версии [14, с. 130–132]. При этом допускает «ляпы». В одном месте книги, указывая на причину ареста левоэсеровской фракции V съезда Советов, пишет о фактическом большинстве левых эсеров на съезде, которое арестом устранили большевики, а в другом – что на съезде у фракции ПЛСР было 30% мандатов [14, с. 149, 170].

В 1990 – 2000-е гг. появились разнообразные оценки российских историков событий 6 июля 1918 г. Ю.Г. Фельштинскому подыгрывает казанский историк А.Л. Литвин. В сносках в своей книге он, как и Фельштинский, приводит «факты», основанные на слухах и домыслах, и утверждает, что Александрович был расстрелян «столь быстро и беспощадно как опасный свидетель» [15, с. 258–261]. Он также утверждает: «События, происшедшие в Москве 6 июля 1918 г., представляются хорошо кем-то срежиссированным спектаклем. Мирбах был убит не только левым эсером, а советским служащим, занимавшим высокий пост в ВЧК» [15, с. 199]. Левые эсеры не наступали, а оборонялись, захваченных большевиков не расстреляли. Большевики же, чтобы оправдать свои действия, назвали случившееся антисоветским мятежом [15, с. 199].

А.И. Разгон и Л.М. Овруцкий опровергли вывод Фельштинского о возможности блока левых эсеров с частью руководителей большевиков [16, с. 51]. Но П.П. Волохина посчитала июльское выступление левых эсеров своеобразной попыткой прийти к власти вместе со «здоровой частью» большевиков, с чем не согласен А.Ю. Суслов. Он пишет: «В событиях 6–7 июля левые эсеры не предпринимали наступательных действий, во фракции ПЛСР (V Всероссийского съезда Советов) часть ее членов высказала недовольство действиями лидеров, поэтому вряд ли партия стремилась «перехватить» власть у большевиков, скорее – скорректировать политику правительства» [17, с. 166].

Л.М. Овруцкий утверждает, что в акте убийства Мирбаха не было ничего ни антисоветского, ни мятежного. Их замысел состоял в том, чтобы апеллировать к солидарности германского пролетариата, поставить правительство перед фактом разрыва Брестского мира и добиться от него непримиримости в борьбе за международную революцию. Но лидеры ПЛСР не предусмотрели, что Германия не пойдет на разрыв мира, что им придется арестовывать

большевиков, не предусмотрели реакцию большевиков, за которыми в этот день была бесспорная правота [18, с. 375–376].

Я.В. Леонтьев в своей монографии о левых эсерах и их литературных попутчиках в оценке событий 6 июля использует мнение члена ЦК ПЛСР Б.Д. Камкова о том, что выступление левых эсеров не было направлено против большевиков и Советской власти, а это была «вооруженная демонстрация» против германского империализма. «Можно ставить вопрос о давлении, своего рода шантаже, но не восстании и мятеже» [19, с. 76]. В автореферате докторской диссертации Леонтьев отверг как мнение о мятеже левых эсеров, так и вывод Фельштинского о провокации выступления левых эсеров со стороны ВЧК, и заявил, что убийство Мирбаха «преследовало цель подать сигнал к восстанию на оккупированных Германией и ее союзниками территориях и поставить перед свершившимся фактом разрыва Брестского мира съезд Советов» [20, с. 88].

Б.Л. Хавкин придерживается мнения, согласно которому Ф.Э. Дзержинский был осведомлен о готовящемся убийстве Мирбаха, но сознательно не предпринимал никаких действий. Мало того, по мнению Б.Л. Хавкина, «...данные свидетельствуют, что левый коммунист и противник Брестского мира польский шляхтич Дзержинский, родина которого Польша была оккупирована немцами, вёл свою политическую игру. Недаром на следующий день после убийства Мирбаха Ленин сместил Дзержинского с поста председателя ВЧК: очевидно, Ленин, Свердлов и Троцкий рассматривали события 6 июля 1918 года как совместный заговор чекистов и эсеров [21]. В конечном итоге именно большевики получили выгоду от этого убийства. В.И. Ленину удалось с помощью официального Берлина сохранить Брестский мир, а последнее препятствие на пути к однопартийной диктатуре большевиков – партию левых эсеров – уничтожить [22, с. 45–46]. Впрочем, критик этих домыслов справедливо признает, что построение Б.Л. Хавкина весьма уязвимо: во-первых, по причине игнорирования им решения III съезда ПЛСР, а во-вторых, шаткости доказательной базы обвинения в попустительстве покушению со стороны Ф.Э. Дзержинского [23].

Для выявления целей выступления левых эсеров покажем, что из себя представляла эта партия. Левые эсеры были исключены из рядов партии социалистов-революционеров на ее IV съезде за участие в Октябрьском вооруженном восстании, после чего исключенные провели свой съезд и объявили в начале декабря 1917 г.

о создании партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). О социальной базе ПЛСР были разные мнения в советской историографии. Н.П. Марченкова сделала верный, на наш взгляд, вывод о необходимости отличать социальную базу и социальную опору партии. Социальная база ПЛСР была неизменной – это среднее крестьянство. Дополнительную опору левые эсеры искали в первые месяцы Советской власти в лице бедноты, малоземельного крестьянства и мелкобуржуазно настроенных рабочих и интеллигентов, а с весны 1918 г. – кулаков [24, с. 128–129].

Левые эсеры приняли Советскую власть, вместе с большевиками распустили Всероссийское Учредительное собрание, участвовали в утверждении новой власти в России. С самого начала они входили в состав ВЦИК, с 7 декабря 1917 г. – в состав СНК, различных наркоматов, ВЧК (левый эсер Александрович был заместителем Дзержинского), местных Советов и их исполкомов. Но если большевики рассматривали советскую власть как диктатуру пролетариата, который опирается на трудящихся крестьян, то левые эсеры оценивали Советскую власть как власть трудового народа [25, с. 22] (т.е. живущих за счет своего труда крестьян, рабочих, интеллигентов), «режим диктатуры трудящихся», указывая на необходимость «ценза труда» для участия в политической жизни Советов [26]. Левые эсеры настаивали на равенстве крестьян и рабочих в советской системе, а большевики выступали за приоритет рабочих.

Разногласия между двумя советскими партиями вначале были минимальными. Но потом их отношения были подорваны разногласиями по отношению к Брестскому мирному договору. Известно, что в партии большевиков возникла острая дискуссия о заключении мира с Германией на крайне невыгодных для России условиях, и Ленину с большим трудом удалось убедить членов ЦК и свою партию о необходимости принять мир ввиду того, что старая армия развалилась, новую еще предстояло создать, а народ в массе своей больше не хотел воевать. Лидер ПЛСР М.А. Спиридонова тоже считала мир вынужденным и необходимым, но не смогла убедить членов ЦК ПЛСР и свою партию. После ратификации мирного договора IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов 14 марта 1918 г. левые эсеры вышли из состава СНК, но остались в составе ВЦИК, наркоматов, ВЧК, местных Советов и их исполкомов. В апреле 1918 г. М. Спиридонова пыталась убедить делегатов II съезда ПЛСР о необходимости Брестского мира, говорила: «Мир был подписан не нами и не большевиками, он был подписан ну-

ждой, голодом, нежеланием всего народа – измученного, усталого – воевать» [27]. Однако левозэсеровский съезд взял курс на срыв Брестского мира. Где-то через месяц М.А. Спиридонова присоединилась к большинству партии по вопросу о Брестском мире.

Левые эсеры знали, что фактически армии в Советской России в это время не было. При этом они выступили против создания добровольческой армии, привлечения в нее офицеров и генералов дореволюционной армии в качестве специалистов. Один из левых эсеров осуждал курс большевиков на защиту «социалистического отечества» и создание армии для его защиты как возрождение буржуазных форм государственности [28]. Левые эсеры уповали на всеобщее вооружение народа, создание отрядов народной милиции [29]. Расчет был такой: при возобновлении войны с Германией развернуть партизанскую борьбу, революционизировать немецкую армию и через нее перебросить пожар революции в Европу. Тогда надежды на мировую революцию питали и большевики, но все же они проявляли рационализм, стремились прежде всего сохранить советское государство как опору для революций в других странах. Левые же эсеры судьбу Советской России связывали только с мировой революцией.

С мая левые эсеры начали новую кампанию борьбы против Брестского мира. С. Мстиславский выдал такой «интернационалистический» перл, обосновывая необходимость партизанской войны против Германии: социалист вообще не может воевать за государство, ибо оно не может быть его родиной. Социалист знает только «восстание» – борьбу угнетенного класса против угнетателей [30]. Ю. Саблин читал лекцию на тему «Не война, но восстание». В первой ее части он обосновывал тезис «война – неизбежный спутник капиталистического строя», во второй – «восстание – орудие борьбы трудящихся масс. Восстание как фактор международной революции» [31]. В.И. Ленин объяснял такое поведение левых эсеров отражением ими настроений мелкого хозяйчика, мелкого буржуа, «взбесившегося от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасения, колеблясь между доверием к пролетариату... и приступами отчаяния... – с другой» [32, с. 208]. Левые эсеры проявляли революционный авантюризм, стремясь в короткий срок изменить мир. Этот авантюризм проявлялся у них и в вопросах экономического строительства.

В апреле 1918 г. II съезд ПЛСР принял резолюцию по экономической программе, которая

намечала меры ускоренного введения социализма: планомерную экспроприацию капиталистических классов, национализацию кредита, замену торговли потребительскими обществами, объединенными в единый союз, постепенную замену денежного обращения товарообменом между предприятиями, городом и деревней, выравнивание зарплаты и т.д. [33]. Съезд под влиянием И. Майорова взял курс на строительство «сельскохозяйственного коммунизма» [34, с. 10; 35, с. 135–137]. Напомним, что В.И. Ленин в это время боролся против подобных леваческих устремлений левых коммунистов в РКП(б) и убедил партию использовать многоукладную экономику и товарно-денежные отношения в течение длительного переходного периода [32; 36]. Возник повод для дополнительных дискуссий между двумя советскими партиями.

Особенно острыми они были по продовольственному вопросу. Нехватка продовольствия, голод проявлялись в городах и в ряде регионов еще до Февральской революции. Временное правительство приняло 25 марта 1917 г. закон о государственной хлебной монополии, по которому государство брало на себя заготовку и распределение хлеба среди населения. Советское правительство вынуждено было продолжать эту политику. Но в зиму с 1917 на 1918 г. старый госаппарат разрушался, новый только создавался, государственная монополия на хлеб фактически не действовала. Крестьяне разграбили запасы хлеба помещиков, но сдавать хлеб государству по твердым ценам не желали, предпочитая продавать его на черном рынке. В городах, в потребляющих хлеб губерниях усилился голод. ВЦИК 13 мая принял декрет о чрезвычайных полномочиях наркомата продовольствия (продовольственной диктатуре), по которому крестьяне должны были сдавать государству излишки хлеба сверх установленной нормы личного потребления по твердым ценам. Кулаки, естественно, сопротивлялись реализации декрета, беднота во всех регионах и середняки в нечерноземных губерниях, где хлеба не хватало, поддерживали хлебную монополию государства, которая обеспечивала их дешевым хлебом. Средняки, имевшие излишки хлеба, хлеб сдавать государству отказывались. Поэтому государство пошло на создание продотрядов для изъятия хлеба, а 11 июня ВЦИК принял декрет об организации деревенской бедноты – комбедов, главной задачей которых была помощь продовольственным органам в заготовке хлеба.

Левые эсеры считали необходимым сохранение государственной монополии на хлеб. Но

брать хлеб по твердым ценам у крестьян предлагали в обмен на промышленные товары тоже по твердым ценам. Где взять товары при разрухе промышленности и в условиях разворачивающейся гражданской войны, разрывающей экономические связи регионов, не указывали. Организацию товарообмена между городом и деревней предлагали возложить на местные Советы. Но во многих сельских Советах руководили кулаки, противящиеся закупкам хлеба по твердым ценам. Как преодолевать их сопротивление? Ответа лидеры ПЛСР не давали. Комитеты бедноты левые эсеры называли организациями «лодырей». 15 июня ЦК ПЛСР вместе с максималистами опубликовал заявление, в котором говорилось, что левые эсеры будут самым решительным образом бороться против мер, «ведущих к неестественному разделению трудового крестьянства» [5, с. 161]. Под давлением левых эсеров были отменены твердые цены на хлеб в Астраханской, Саратовской, Казанской, Тамбовской и Вятской губерниях [37, с. 56], что было нарушением принципа государственной монополии. В 22 губерниях Центральной России левые эсеры, входившие в состав исполкомов Советов, отказались проводить продовольственную политику совнаркома и создавать комбеды [37, с. 62]. Б. Камков угрожал на V съезде Советов: «Мы вам открыто заявляем, что не только ваши отряды, но и ваши комитеты бедноты мы выбросим вон за шиворот» [1, с. 133–134]. Пути партий пролетарского и крестьянского социализма в этом вопросе расходились, а левые эсеры выражали в продовольственном вопросе интересы не только середняков, но и кулаков.

Однако часть левых эсеров поддержала продовольственную политику большевиков. Одобрили ее 4 губернских поволжских организации ПЛСР – Саратовская, Симбирская, Самарская и Пензенская [38, с. 310]. Во Владимирской губернии левые эсеры шли вместе с большевиками в продотряды, т.к. не видели иной возможности добыть хлеб [39, л. 112].

Разногласия между большевиками и левыми эсерами проявились и в вопросе о форме советского государства. Левые эсеры, «романтики, полуанархисты, донкихоты революции» [19, с. 61] выступали за максимально демократическую организацию советской политической системы. II съезд ПЛСР высказался за передачу исполнительной власти отделам ВЦИК с тем, чтобы после упразднения СНК ВЦИК сосредоточил в своих руках и законодательную и исполнительную власть [40]. Советское государство к весне 1918 г. представляло собой конгломерат полузависимых от центральной власти

республик и губерний. Распоряжения правительства на местах исполнялись, если руководители Советов это находили нужным. В.И. Ленин стал настаивать на укреплении централизации, государственной дисциплины, левые же эсеры отстаивали фактически автономию местных Советов, что проявлялось, как мы выше показали, например, в продовольственной политике. После появления декрета 29 мая 1918 г. о создании регулярной Красной Армии они препятствовали созданию волостных военных комиссариатов и призыву новобранцев в Орловской, Тульской, Псковской, Симбирской, Курской, Костромской, Калужской, Казанской, Вятской губерниях, в которых уездные военные комиссары были в основном из левых эсеров [41, с. 31].

Таким образом, к июлю 1918 г. накопилось много противоречий в отношениях между большевиками и левыми эсерами. Лидеры ПЛСР решили преодолеть их крутой мерой, направленной на преодоление отклонений от социалистической революции, как они утверждали, – разрывом Брестского мира. В случае успеха войны с Германией можно будет вернуть потерянные земли, возродить закон о социализации земли, освободить крестьян от продовольственной диктатуры [42], восстановить социалистическую революцию в России, «выпрямить» политику Советов. Решение об осуществлении террористических актов против важнейших представителей германского империализма и одновременно мобилизации военных сил для «восстания» ЦК ПЛСР принял 24 июня и выбрал 4 своих членов для руководства восстанием: Б. Камкова, В. Трутовского, В. Карелина (фамилия четвертого в протоколе неразборчива) [43, с. 296]. 30 июня на III съезде ПЛСР Б. Камков в докладе о текущем моменте говорил о необходимости «революционного восстания трудового крестьянства и рабочих для восстановления завоеваний революции», имея в виду срыв Брестского мира [39, л. 8].

При этом члены ЦК скрыли от делегатов съезда свое решение о подготовке террористических актов против представителей германского правительства в России, также и о подготовке государственного переворота. Правда, М.А. Спиридонова говорила на III съезде ПЛСР: «Необходимо взять в свои руки государственный аппарат – военный, дипломатический, технический...» [39, л. 8]. Секретарь крестьянской секции ВЦИК левый эсер Трубин на митинге 1 июня 1918 г. заявил, что левые эсеры не против Советов, но против СНК. В дальнейшем вместе с крестьянами они пройдут в Кремль (т.е. возьмут власть. – А.М.) [44, л. 1]. После провала попыт-

ки убийством Мирбаха изменить ситуацию в России левые эсеры подчеркивали, что боролись с СНК, но не с большевиками [45]. Но из кого состояло советское правительство? – Из лидеров РКП(б), возглавлял его В.И. Ленин. Изменить политику СНК можно было только отстранением от власти руководства РКП(б). Лидеры ПЛСР могли делать расчет на левых коммунистов в составе большевиков, противников Брестского мира. Левые эсеры Б. Камков, П. Прошьян обращались к лидерам левых коммунистов Бухарину, Пятакову, Радеку накануне подписания мирного договора с Германией, предлагая им арестовать Совнарком вместе с Лениным и сформировать новое правительство из левых эсеров и левых коммунистов. Но последние не пошли на это [46, с. 18]. Руководители ПЛСР, на наш взгляд, рассчитывали – без должных оснований – в случае своего успеха привлечь на свою сторону эту левацкую часть большевиков. Намерение лидеров ЦК левых эсеров изменить состав СНК нельзя назвать иначе, как подготовкой государственного переворота.

Члены ЦК ПЛСР хотели также коренным образом изменить внешнюю политику Советов. На III съезде ПЛСР И. Майоров говорил: «Нам нужно не восстание, а настоящая война и англо-французская ориентация, которая более выгодна в целом (а не той или иной политической партии). Нам выгодно стремиться к тому, чтобы Германия на фронте потерпела поражение. Это вызовет там революцию, которая нас спасет» [39, л. 13]. Эту установку пытался реализовать командующий Восточным фронтом левый эсер М.А. Муравьев, который поднял мятеж, отказался подчиняться советскому правительству, 10 июля послал радиogramму из Симбирска чехословакам, предлагая им действовать совместно против советской власти [47, с. 216]. В тот же день на заседании Симбирского губисполкома Муравьев провозгласил свою программу: создание Поволжской республики впредь до созыва Учредительного собрания, мир с чехословаками, война с Германией. Лезвоэсеровская фракция губисполкома приняла программу Муравьева [48, с. 113, 127, 146]. Муравьев говорил лидеру симбирской организации К. Иванову, что «действует в данный момент самостоятельно, но Центральный Комитет партии левых эсеров об этом знает» [49, с. 173]. Так что некоторые левые эсеры готовы были пойти на сотрудничество с интервентами ради своих авантюристических целей.

Таким образом, партия левых эсеров, разойдясь с большевиками по вопросам внешней и внутренней политики, стремилась перехватить

власть в свои руки. Лидеры ЦК ПЛСР надеялись на то, что будут иметь большинство на V Всероссийском съезде Советов. Но эта надежда не оправдалась. Хотя их представительство на этом съезде увеличилось по сравнению с IV съездом Советов с 20 до 30%, изменить советскую политику с помощью съезда левые эсеры не могли. Вот почему они пошли на свою авантюру, надеясь осуществить государственный переворот и захватить власть в свои руки. Это подчеркнул Западный областной комитет ПЛСР: «Предательство, самое постыдное предательство в переживаемый момент, – вот название восстанию с целью захвата власти в Москве» [3]. Все вышеизложенное подчеркивает правоту советских историков, характеризующих события 6–7 июля как мятеж левых эсеров. Конечно, он был плохо подготовлен, с расчетом «на авось» – на поддержку большинства ПЛСР, левых коммунистов и народных масс, но лидеры ПЛСР просчитались. М.А. Спиридонова на III съезде ПЛСР призывала соратников быть готовыми к столкновениям, «когда нас будут разгонять и расстреливать, пользуясь штыками германского империализма» [39, л. 168–169], не задумываясь о том, что в этом случае к имеющимся фронтам гражданской войны добавится еще один. Это было на руку врагам Советской власти. Фанатичные вожди левых эсеров готовы были к самопожертвованию, не задумываясь о том, что новая война с Германией приведет к новым огромным жертвам народа, гибели тысяч и тысяч сограждан. Но ни рабочие, ни крестьяне не хотели возобновления войны с Германией.

Акции ЦК ПЛСР 6 июля стали неожиданными для большинства левых эсеров. Значительная часть левых эсеров осудила действия ЦК. Авантюра лидеров ударила по их партии. Начался развал, раскол ПЛСР. Ряды партии покинули, например, будущие герои гражданской войны С.Г. Лазо, Г.И. Котовский, А.И. Егоров (командующий Южным фронтом в 1919 г. и Юго-Западным фронтом в 1920 г.) и многие другие, вступившие затем в партию большевиков. Осенью 1918 г. из ПЛСР выделились партии народников-коммунистов и революционных коммунистов, члены которых со временем тоже перешли в ряды РКП(б). Резолюция V Всероссийского съезда Советов от 10 июля 1918 г. не запрещала ПЛСР, но требовала исключения из состава Советов тех левых эсеров, которые одобряют авантюру своего ЦК [1, с. 134]. Развернулась тяжелая борьба в Советах и на советских съездах. К концу 1918 г. в составе 34 уездных Советов осталось 160 левоэсеровских депутатов из 805, а на губернских съездах они составили менее одного процента [50, с. 274]. Ра-

бочие, да и крестьяне, на которых особенно рассчитывали левоэсеровские вожди, отвернулись от партии революционных авантюристов.

Список литературы

1. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. 254 с.
2. Спиридонова М.А. Открытое письмо Центральному Комитету партии большевиков // Родина. 1990. № 5. С. 49–52.
3. Воззвание Западного областного комитета партии левых социалистов-революционеров // Знамя борьбы. 1918. 27 июля.
4. Владимирова В. Левые эсеры в 1917–1918 гг. // Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 101–140.
5. Спиринов Л.М. Крах одной авантюры. М.: Политиздат, 1971. 112 с.
6. Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М.: Соцгиз, 1963. 259 с.
7. Карр Э. История Советской России. М.: Прогресс, 1990. 765 с.
8. Верт Н. История советского государства. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
9. Пайпс Р. Русская революция. М.: Росспэн, 1994. 584 с.
10. Фельштинский Ю.Г. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – июль 1918: На пути к однопартийной диктатуре. Париж: Имка-Пресс, 1985. 287 с.
11. Фельштинский Ю.Г. Левые эсеры // Родина. 1990. № 5. С. 52–54.
12. Фельштинский Ю.Г. Не мятеж, а провокация // Отечественная история. 1992. № 3. С. 30–42.
13. Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции: Очерк первый. М.: Терра, 1992. 665 с.
14. Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. М.: Терра, 2008. 384 с.
15. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. Казань: Татар. изд-во, 1995. 326 с.
16. Разгон А.И., Овруцкий Л.М. Понять дух 6 июля // Отечественная история. 1992. № 3. С. 49–61.
17. Сулов А.Ю. Социалистические партии в Советской России: Отечественная историография. Казань: Изд-во КГУ, 2006. 280 с.
18. Овруцкий Л.М. Левые социалисты-революционеры // Политические партии России: История и современность. М., 2000. С. 365–380.
19. Леонтьев Я.В. «Скифы» русской революции: Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М.: Аиро-монография, 2007. 326 с.
20. Леонтьев Я.В. Левоэсеровское движение: Организационные формы и механизмы функционирования: Автореф. дис. ... д.и.н. М.: МГУ, 2009. 118 с.
21. Хавкин Б.Л. Убийство графа Мирбаха // Независимое военное обозрение. 2005. 30 июня.
22. Хавкин Б.Л. Убийство графа Мирбаха: по следам преступления // Клио (СПб.). 2007. № 4. С. 34–47.
23. Ожгибесов Ч. История от Хавкина // Дуэль. 2005. 30 авг.

24. Марченкова Н.П. Вопрос о социальной базе партии левых эсеров в новейшей историографии // *Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами, течениями*. М., 1983. С. 128–129.
25. Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М.: Революционный социализм, 1918. 115 с.
26. Мстиславский С. Советская власть // *Знамя труда*. 1918. 11 (24) января.
27. Второй Всероссийский съезд партии левых с.-р. // *Знамя труда*. 1918. 21 (8) апреля.
28. Д-в. «Социалистическая» армия // *Знамя труда*. 1918. 22 (9) марта.
29. *Знамя труда*. 1918. 24 (11) апреля, 4 мая (21 апреля).
30. Мстиславский С. Свое и чужое // *Знамя труда*. Наш путь. 1918. Т. II.
31. Объявление о лекции Ю. Саблина // *Знамя труда*. 1918. 17 июня.
32. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 165–208.
33. Резолюция по экономической программе // *Знамя труда*. 1918. 27 (14) апреля.
34. Майоров И. Практическое проведение социализации земли. Саратов: Революционный социализм, 1918. 53 с.
35. Спирина М.В. Крах эсеровской концепции социализма. М.: Мысль, 1987. 206 с.
36. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. / Полн. собр. Соч. Т. 36. С. 283–314.
37. Октябрь и советское крестьянство. 1917–1927. М.: Наука, 1987. 295 с.
38. Точеный Д.С. Банкротство мелкобуржуазных организаций Поволжья (1917–1922): Дис. ... д.и.н. Куйбышев: КГУ, 1982. 436 с.
39. Российский центр хранения и исследования документов новейшей истории. Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 4.
40. Вводная часть к политической программе и политическая программа // *Знамя труда*. 1918. 26 (13) апреля.
41. История советского крестьянства. Т. 1. М.: Наука, 1986. 455 с.
42. Воззвание крестьянской секции Всероссийского Ц.И.К. ко всему трудовому крестьянству // *Известия ВЦИК*. 1918. 10 июля.
43. Красная книга ВЧК. М.: Политиздат, 1987. 415 с.
44. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 92. Ед. хр. 9.
45. Григорьев. Почему мы разбиты // *Знамя борьбы*. 1918. 30 июля.
46. Емельянов Ю.И. Заметки о Бухарине. Революция, история, личность. М.: Мол. гвардия, 1989. 464 с.
47. РВС республики. 6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. 464 с.
48. Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: Сб. восп. Ульяновск: Кн. изд-во, 1958. 432 с.
49. Голиков Д.А. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М.: Политиздат, 1980. 335 с.
50. Гусев К.В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 259 с.

THE REVOLT OF THE LEFT SOCIALIST REVOLUTIONARIES ON JULY 6, 1918 AND ITS ASSESSMENTS IN HISTORICAL LITERATURE

A.V. Medvedev

The article analyzes the assessments of actions of the Left Socialist Revolutionaries on July 6, 1918 in Russian and Western historiography (assassination of the German ambassador Mirbach, capture of the telegraph and sending telegrams about the revolt against German imperialism): adventure, rebellion, mutiny, provocation and «armed demonstration» to disrupt the peace of Brest. The author concludes that these actions were directed not only at disrupting the peace of Brest and the resumption of war with Germany, but were an attempt of the Left Socialist Revolutionaries to overthrow the Soviet government and to take power into their own hands. The masses were against these actions, so these should be qualified as an adventure and a mutiny.

Keywords: Left Socialist Revolutionaries, revolt of July 6, revolutionary adventure.